

Кузьмин Максим Олегович,
преподаватель кафедры юридических
дисциплин, гуманитарно-правовой
факультет, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский
государственный аграрный университет
имени императора Петра I»,
394087, Россия, г. Воронеж, ул. Мичурина, д. 1,
email: maksimkuzmin@mail.ru

Kuzmin, Maxim O.,
Lecturer at the Department
of Legal Disciplines,
Faculty of Humanities and Law,
Voronezh State Agricultural University,
1 Michurin Str., Voronezh,
394087, Russian Federation,
email: maksimkuzmin@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I

◆

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CREDIT AND MONETARY RELATIONS IN RUSSIA DURING THE REIGN OF PETER I

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблематика правовой регламентации кредитно-денежных отношений в Русском государстве в первой четверти XVIII в., в период многочисленных изменений в различных сферах жизни общества. Рассматриваются особенности хозяйственной структуры России во время правления Петра I, влияние его реформ на экономическую политику страны, а также правовое регулирование отдельных заемных институтов. Актуальность данного исследования подразумевается благодаря проведению подробного анализа существующих в науке точек зрения в части вышеупомянутого феномена и полученным результатам о специфике юридической характеристики хозяйственных преобразований. Исследуются предпосылки формирования российской банковской системы, определяется правовой статус банкиров в рамках законодательства обозначенного периода. Рассматривается природа институтов простого и переводного векселя в отечественном праве Петровской эпохи, их особенности и отличительные черты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вексель, тратта, долговая расписка, мануфактуры, Регламент Главного магистрата, кредит, заем, деньги

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кузьмин, М. О. Особенности правового регулирования кредитно-денежных отношений в России эпохи правления Петра I / М. О. Кузьмин. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 30–37. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-4

ABSTRACT. This article examines the problems of legal regulation of credit and monetary relations in the Russia in the first quarter of the 18th century during the period of numerous changes in various spheres of social life. The features of the economic structure of Russia during the reign of Peter I, the impact of his reforms on the country's economic policy, as well as the legal regulation of individual loan institutions are considered. The relevance of this study is implied by conducting a detailed analysis of existing scientific points of view in terms of the above-mentioned phenomenon and the results obtained on the specifics of the legal characteristics of economic transformations. The prerequisites for the formation of the Russian banking system are studied, the legal status of bankers is determined within the framework of the legislation of the designated period. The nature of the institutions of a simple and transferable bill of exchange in the Russian law of the Peter the Great era, their features and distinctive features are determined. The nature of the institutions of simple and bills of exchange is considered.

KEYWORDS: bill, draft, promissory note, manufactures, Regulations of the Chief Magistrate, credit, loan, money

FOR CITATION:

*Kuzmin, M. O. (2025) Features of Legal Regulation of Credit and Monetary Relations in Russia During the Reign of Peter I. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 30–37 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-4*

К концу XVII столетия в России назревали масштабные реформы, которые должны были коренным образом изменить уклад жизни всех социальных слоев населения. Для дальнейшего развития стране было необходимо создать современную и всеобъемлющую систему хозяйствования. Без действующих механизмов кредитно-денежного характера, а также банковских институтов такая экономическая система была бы нежизнеспособна. Исходя из этого, особое внимание следует уделить правовому регулированию указанных явлений, поскольку именно юридическая регламентация послужила отправной точкой к формированию банковского дела в России.

Предпосылки вышеуказанных кардинальных преобразований появились в конце правления Алексея Михайловича, попытки их реализации предпринимались его сыном, Федором Алексеевичем, однако в полной мере смогли быть реализованы только самым младшим наследником царя по мужской линии – Петром, будущим императором всероссийским. Вышеупомянутые изменения в первую очередь затрагивали экономическую сторону внутриполитического вектора развития страны. Следует отметить, что вплоть до XVIII в. в Русском государстве приоритетным способом расчетов было движение наличных денег, применялся и натуральный обмен [3, с. 22]. Такие тенденции тормозили дальнейшее развитие страны, действительность требовала создания специальных экономических механизмов и их правовой регламентации. Безусловно, без целостной материальной базы воплотить задуманное было невозможно. При этом такой подход требовал стратегического и детального правового регулирования со стороны власти.

Молодой царь Петр Алексеевич старательно прорубал окно в Европу, заимствуя из западных стран институты, прежде неизвестные населению Русского государства. Старые социальные связи рушились, и на их месте создавались новые. Вместе с этим изменялась и объективная действительность в рамках политических, духовных и экономических отношений внутри государства, формируя инновационные конструкции, требующие правовой регламентации. Тем не менее спонтанный и непоследовательный характер реформ не позволял глубоко проработать внедряемые нов-

шества, что влекло за собой незавершенность реализуемых мероприятий. Например, в части правового регулирования кредитно-денежных отношений попытки реорганизации предпринимались не единожды, однако раз за разом не приводили к необходимому результату. Преобразование в монетном деле конца XVII – начала XVIII в. на время облегчили экономический упадок, но не решили тех задач, которые перед ними ставились. Исходя из этого, результаты реформ, в том числе их отражение в правовой сфере, нельзя назвать абсолютно благоприятными для дальнейшего развития государства.

Изменения в хозяйственном укладе страны были вынужденными, поскольку начавшаяся в 1700 г. Северная война заставила ускорить проведение преобразований. Перед Петром I встала задача в кратчайшие сроки перевооружить армию, развить недавно появившийся военно-морской флот, создать отлаженную систему снабжения войск всеми необходимыми ресурсами. Подобные мероприятия требовали колоссальных экономических затрат, а форсированный характер преобразований лишь усугублял печальное финансовое положение государства. Россия могла рассчитывать на несколько путей решения проблемы, начиная с новых манипуляций над стоимостью монеты и заканчивая постепенным ростом промышленного и торгового потенциала страны. Впрочем, формирование полноценной банковской системы, основанной на сбалансированном проявлении внутренних и внешних факторов кредитно-денежных отношений, царем не рассматривалось. Причиной этого выступала одна из особенностей мировоззрения Петра Великого. Русский монарх решительно отказывался от использования зарубежных заемных средств. По мнению С. М. Соловьева, по результатам правления первого российского императора государство не только увеличило абсолютную доходность, но и ликвидировало какие-либо кредитные обязательства – «не сделало ни копейки долгу» [21, с. 136].

Тем не менее отсутствие видимых обязательств государства не означало позитивное развитие хозяйственной сферы страны. Фактически Петр I отсрочил проблему формирования кредитно-денежной системы по современному образцу, переложив ее на своих преемников. После его смерти молодая Российская империя

объективно не могла существовать без специализированных учреждений, предоставлявших разным слоям населения краткосрочные и долгосрочные займы под определенный процент. Поддержание высокого уровня промышленности и торговли в государстве без доступа к кредитному капиталу хозяйствующих субъектов невозможно: отсутствие динамики денежных потоков рано или поздно приведет к стагнации и краху всего экономического механизма внутри общества.

Вместе с этим условия, в которых оказалась Россия во второй четверти XVIII в., для отечественных финансов оказались непростыми. Стремительные инновации в области хозяйствования создавали нетипичную обстановку, которая не вписывалась в привычную юридическую среду. Несмотря на комплекс различных реформ, частноправовые отношения, как и раньше, регулировалось по модели, предложенной Соборным Уложением Алексея Михайловича. Данный нормативный акт действовал практически два столетия – вплоть до опубликования Свода законов Российской империи в 1832 г. В результате архаичного подхода властей к кредитно-денежным и банковским институтам государство столкнулось с непреодолимыми барьерами.

Фактически в России отсутствовал единый подход к нормативному регулированию отношений, возникающих в сфере займа, ростовщичества и деятельности менял. Еще одним препятствием для формирования такого целостного подхода к регламентации кредитно-денежных отношений традиционно выступало влияние правового обычая в отечественном гражданском обороте. К примеру, процентные ставки по договорам займа устанавливались в размере, известном еще со времен правления Ивана IV Грозного, – их размер варьировался от 15 до 20 %. Именно такой показатель фиксировался в кабалах XVII в., соблюдалось древнее правило о взимании роста «на пять шестой» [19]. Данная особенность была отражена в тексте указа Анны Иоанновны, дающего полномочия Монетной Конторе предоставлять кредиты населению империи [14]. Более того, вышеуказанный правовой обычай, применявшийся в первой четверти XVIII в., напрямую противоречил действующему Соборному Уложению 1649 г. Свод законов Алексея Михайловича

предусматривал только безвозмездный заем, в сущности, договор ссуды, в то время как реальные взаимоотношения субъектов строились на регламентации обычным правом. Иными словами, кредитование не только подразумевало плату за проценты, но и размер таких процентов, как отмечалось ранее, был чрезвычайно высок. Такой феномен в правовом регулировании кредитно-денежных отношений негативно влиял на формирование единого подхода к регламентации заемных договоров и не позволял появиться целостной системе банковских учреждений, для деятельности которых была необходима крепкая законодательная база.

Известно, что значимым импульсом к развитию отечественной экономики в начале XVIII столетия стало повсеместное открытие мануфактур. Петр I зачастую лично принимал решение об открытии того или иного предприятия, по поводу чего издавались многочисленные указы монарха. Впрочем, со временем показатели российской промышленности, ввиду отсутствия четкого планирования хозяйственных перспектив со стороны власти, начали характеризоваться упадком, возникали процессы, свойственные стагнации, а впоследствии и регрессу. Возникла проблема сохранения петровских мануфактур и их дальнейшего развития.

Следует отметить, что немаловажным фактором, из-за которого сложилась упомянутая ситуация, было отсутствие специализированных банковских организаций, способных на универсальных условиях предоставлять денежные займы заинтересованным лицам. Такой подход накладывал определенные ограничения на предпринимательские возможности даже зажиточного населения. Несмотря на то, что государство пристально следило за договорными и рыночными отношениями, механизм правового регулирования базировался, как отмечалось ранее, на правовых обычаях [9, с. 115]. К концу XVIII в. сложилась тенденция, при которой большая часть фабрик концентрировалась в руках купцов. Сословие торговцев опережало по этому показателю в абсолютных значениях все иные социальные группы, в том числе и дворянство, обладавшее большими финансовыми возможностями. Например, в период с 1701 по 1740 г. было открыто 36 металлургических заводов с участием купеческого капитала и всего лишь одно предприятие с

привлечением денег высшей прослойки общества [16, с. 184]. В полотняной промышленности ситуация была тождественная: к концу 70-х гг. XVIII в. купцам принадлежало около 130 текстильных мануфактур, в то время как дворянам – не более 54. Кроме того, в начале столетия цифры разнились в еще большем диапазоне и не в пользу последних. В бумажном производстве заводы также преимущественно принадлежали представителям торгового сословия. При этом трудовые ресурсы, использовавшиеся на таких работах после 1721 г., характеризовались повсеместным привлечением посессионных крестьян [12].

Так почему же именно купеческий капитал имел наибольшую долю в промышленном секторе по сравнению с остальными категориями населения? Ответ на этот вопрос необходимо искать в свидетельствах, имевших место задолго до правления Петра I. К тому же ключевым аспектом вышеобозначенного явления следует считать доступность или недоступность заемных средств для фабрикантов. Например, новгородская купеческая корпорация XII в. «Иваново сто» была лишь одним из многих торговых сообществ, предоставлявших кредиты коммерсантам Средневековья. В Новое время тенденции к объединению населения, занятого в деятельности по реализации товаров, продолжились. В XVI столетии из общего числа торговцев выделяется особая социальная группа, именуемая в документах того времени гостиной сотней [18, с. 22]. В историографии сложились различные мнения насчет природы указанной общности. В частности, историк Н. И. Костомаров определяет гостиную сотню как сословие, обособившееся со временем от более статусных гостей – крупных купцов, которые могли беспрепятственно посещать зарубежные страны для ведения торговой деятельности [7, с. 489]. В свою очередь, советский и российский исследователь Н. Б. Голикова рассматривала названную социальную группу с позиций привилегированной корпорации [2, с. 226]. При этом наравне с гостиной сотней существовала суконная, члены которой осуществляли ограниченную реализацию товаров и могли заведовать мелкими предприятиями.

По большому счету, не имеет принципиального значения характер формирования данных общностей. Важен сам факт объединения куп-

цов с целью создания особой экономической среды, способствовавшей упрощенному доступу к заемному капиталу. На протяжении веков сложилась специфическая практика, в рамках которой торговцы кредитовали друг друга в различные кризисные периоды, будь то пора политико-хозяйственных переломов, социальных волнений или стихийных бедствий. Внутри специального объединения купцы могли предоставлять займы коллегам для увеличения товарного оборота, расширения границ коммерческой деятельности, а впоследствии – для развития заводов и мануфактур. При этом специальных нормативных актов насчет подобного кредитования не существовало – торговцы руководствовались правилами деловых обычаев, сложившихся на протяжении столетий.

В кругу дворян-промышленников подобной тенденции сформировано не было. Высшее сословие зачастую не располагало иными средствами дохода, кроме крестьянского оброка, который не всегда имел денежную форму, а также жалования за государеву службу. Доступ к иностранным финансам у большей части петровского шляхетства, за исключением сподвижников царя, был ограничен. В таких условиях говорить об оборачиваемости капитала и возможности использования свободных средств для выдачи займов другим представителям дворянства не приходится. Более того, неподготовленность к сложным хозяйственным процессам в совокупности с невысокой заинтересованностью самих фабрикантов от служилого сословия в совершенствовании производства однозначно отвечает на вышеупомянутый вопрос о недостаточной доле дворянских денег в промышленном секторе России в первой четверти XVIII в. Причем к концу столетия что в ткачестве, что в металлургии аристократы не смогли сохранить в своих руках те казенные заводы, которые были им переданы монархом, дворянское предпринимательство практически отсутствовало [4, с. 273]. Тем более что сам Петр I требовал от шляхетства преимущественно ратных подвигов, а открытие производственных учреждений для высшей прослойки общества выступало лишь дополнительной деятельностью, прилагаемой к государственной службе.

При этом податные сословия фактически не имели ни единой возможности в первой чет-

верти XVIII в. стать фабрикантами. Напротив, многие из них являлись основной рабочей силой на заводах и мануфактурах. Речь идет как о жителях городов, которых еще со времен издания Соборного Уложения 1649 г. прикрепили к посадам, так и о крестьянах, делившихся на приписных (лично свободных) и посессионных (крепостных). Прослойка ремесленников, в свою очередь, не обладала обширными финансовыми возможностями, чтобы расширить деятельность до фабричных масштабов. Особенности развития данного сословия в России заключались в тесной связи представителей ручного производства с земледелием. Так, многие ремесленники имели сельскохозяйственные участки земли, разводили скот, сеяли зерновые, что тормозило общий прогресс мелкой промышленности [8, с. 46]. А. Н. Боханов отмечал, что спрос на ремесленные товары был ниже предложения ручного труда, а заказы на изделия носили нерегулярный характер [8, с. 47]. Иными словами, свободному капиталу в необходимых объемах для вложения в открытие мануфактуры неоткуда было взяться. К тому же ремесленникам не был доступен в полной мере механизм заемных средств. Поэтому в первой половине XVIII столетия именно купечество было единственным сословием, которое могло поддержать частную предпринимательскую инициативу без казенных вливаний. Как отмечалось ранее, у торговцев для такой деятельности предусматривался и некоторый, пусть и примитивный, но действенный механизм правового регулирования посредством применения обычаев.

С принятием в 1721 г. Регламента или Устава Главного Магистрата, введившего понятие гильдий и цехов, ситуация с кредитно-денежными отношениями внутри государства, а равно и их правовой регламентацией не изменилась [17]. Помимо ранее упомянутых причин, дополнительным поводом к торможению развития экономической сферы в целом и заемных институтов в частности выступал давний русский обычай закапывать деньги в землю для сохранности [6, с. 49]. Такая «запуганность капитала» не только не позволяла населению приумножать свои сбережения, но и лишала казну колоссальных источников оборотных средств. Череда разорительных войн и набегов, неурожайные годы и эпидемии сформировали на

протяжении столетий у жителей центральной части страны устойчивую практику к запасничеству монет. Причем данный феномен был характерен не только для менее обеспеченных податных сословий, но и для аристократии. Некоторые дворяне хранили деньги схожим образом – запирали их в многочисленные ларцы.

С одной стороны, тенденция к сознательному выводу из оборота материальных ценностей обывателями не позволяла идее о функционировании специализированных банковских учреждений закрепиться в сознании населения и разрастись в сложную структуру хозяйственных отношений. С другой стороны, подобная традиция не помешала власти включить в Регламент Главного Магистрата особую социальную прослойку – банкиров. В документе содержится оговорка, что речь идет только о тех лицах, которые «дают на вексели деньги». Исходя из данного положения, следует сделать вывод о том, что деятельность банкиров в большей степени была связана с долговыми ценными бумагами. При этом заемные операции иного характера в Регламенте не упоминаются, поскольку они осуществлялись между собой неспециализированными экономическими субъектами, занятыми в торговле.

Для того чтобы верно истолковать вышеуказанную ситуацию, необходимо проанализировать то, каким образом вексельное право Петровской эпохи регламентировало обязательства по ценным бумагам. Так, аналогичный переводному векселю институт был известен еще Псковской судной грамоте и был, по видимому, заимствован у зарубежных торговцев. Именно в Западной Европе в XV–XVII столетиях одним из основных и безопасных средств платежа по коммерческим операциям выступали тратты. Они, в отличие от простых векселей, являвшихся по своей природе долговой распиской, не противоречили христианским догматам и плотно вошли в хозяйственную практику того времени [20, с. 343].

Вместе с тем в России до конца XVII в. действовала кабальная система, которую постепенно стали вытеснять более современные кредитно-денежные конструкции. Одной из таких новелл для отечественного права в обозначенный временной промежуток стал непосредственно простой вексель. Ситуация оказалась прямо противоположной европейскому опыту

хождения долговых ценных бумаг. С. М. Баррац объяснял такой феномен в первую очередь родственным характером различных кабал и простых векселей [1, с. 675]. Привычная обывателям форма заемных правоотношений получила новое воплощение, вписывающееся в условности финансовой политики Петровской эпохи. В противовес западной доктрине хозяйствования, где коммерческая революция постепенно закрепляла идею доминирования торговли в экономике государства, отечественная модель не имела соответствующих институтов. Невозможность в короткие сроки создать в стране жизнеспособную капиталистическую концепцию по европейскому образцу вынуждала власть при заимствовании зарубежных механизмов значительно их упрощать.

Рассматривая положения нормативных актов, связанных с обращением векселей, следует выделить Боярский приговор от 31 августа 1697 г. [11] и Наказ гостю Сергею Лабазному от 29 августа 1698 г. [15], в которых запрещалась уплата траттами таможенных пошлин на территории Русского царства. Эти два документа были правовым фундаментом для данных правоотношений, возникающих в гражданском обороте. Вышеупомянутое табу на использование переводных векселей было обусловлено еще и практической составляющей. Поскольку в большинстве сделок были задействованы казенные денежные средства, они зачастую использовались не в рамках их целевого назначения, что причиняло прямой вред государству. Например, отправленная в европейские страны для обучения наукам дворянская молодежь расходовала финансы, как личные, так и царские, не на образование, а для увеселений и досуга. Однако векселя выступали единственным доступным способом перевода денег за рубеж в конце XVII – первой четверти XVIII в., векселедержателями по которым являлись иностранные торговцы и банкиры. И для того, чтобы ограничить нерациональные траты дворянских детей, находящихся за пределами России, Петр I предписал князю М. П. Гагарину запретить отправление средств на их довольство, потому как «они там живут в волю и гуляют, а ученья принимают мало» [10]. Любопытным фактом следует считать использование в тексте документа термина «вексель», не встречавшегося ранее в отечественном законодательстве.

Однако А. Б. Каменский указывает: существует мнение о наличии указа царя, введенного в действие в 1693 г., о начале обращения данных ценных бумаг на территории России. Тем не менее, как отмечает специалист, такая позиция не подкреплена нормативным материалом – в Полном собрании законов Российской империи найти подобный указ не представляется возможным [5, с. 18].

Помимо прочего, вышеобозначенный князь М. П. Гагарин был известен коррупционными действиями, что в итоге привело его к казни за лихоимство. Денежные средства, полученные противоправным путем, первый сибирский губернатор переправлял в иностранные банки, в том числе с помощью соло-векселей, где одно лицо выступает одновременно и векселедателем, и первоприобретателем [1, с. 676]. Такая конструкция по своей природе приравнивается к переводному векселю и затрудняет отслеживание движения капитала между конкретными лицами. Известна практика, когда наиболее состоятельные представители аристократии тождественным способом выводили деньги за рубеж в голландские, итальянские и английские финансовые учреждения [5, с. 50]. Фактически это послужило еще одной веской причиной для запрета со стороны властей переводных векселей в России.

Необходимо заметить, что уровень обращения долговых расписок между отечественными купцами и предпринимателями в первой четверти XVIII в. был чрезвычайно низким. Отсюда следует вывод о том, что векселедателями преимущественно выступали заграничные коммерсанты. Иными словами, банкиры, упоминаемые в положениях главы VII Регламента или Устава Главного Магистрата, являлись по большей части иностранцами, которые принимали подданство российского самодержца или длительное время проживали на территории России. Обозначенный Регламент разграничивает зарубежных купцов, которые не могли относиться к гильдиям, и специальных финансовых агентов. Издревле они выполняли функции менял и ростовщиков, им предоставляли на хранение материальные ценности. Именно такие банкиры и способствовали заимствованию механизма оборота векселей русскими законодателями из правовой традиции Западной Европы.

В итоге в период правления Петра I развитие кредитно-денежных отношений, несмотря на негативное отношение царя к внешним займам, позволило государству сделать уверенный шаг к формированию полноценной банковской системы. Несмотря на непоследовательную политику первого императора всероссийского, правовое регулирование договора займа претерпело те изменения, которые положительно отразились на развитии кредитно-денежных отношений [22, с. 115]. Помимо прочего, и такой инструмент, как простой вексель, способствовал совершенствованию хозяйственной сферы страны, а его широкое распространение стало значимым событием в развитии института заемных правоотношений Петровской эпохи. К примеру, перед отбытием в Прутский поход монарх наделил Правительствующий сенат рядом полномочий в финансовой сфере, отдельно акцентируя внимание на векселях и условиях их оборота [13]. Из-за того, что упомянутые обязательства активно использовались во внешней торговле, важность их правового регулирования невозможно недооценить. Уже после смерти императора Петра I, в 1729 г., будет издан Устав Вексельный [23], установивший единую форму формуляра ценной бумаги. Более того, нормативный акт регламентировал весь перечень дискуссионных вопросов, сложившихся на практике относительно хождения векселей среди населения. Тем не менее введение в оборот подобных долговых расписок не было чем-то принципиально новым, заемные сделки продолжали заключаться и осуществляться в юридических условностях Соборного Уложения 1649 г.

Список использованных источников

1. *Барац С. М.* Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1893. 778 с.
2. *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 521 с.
3. *Доценко Е. Ю.* Генезис системы кредитных отношений в российской экономике // Экономика и управление инновациями. 2021. № 2. С. 21–33.
4. История предпринимательства в России: в 2 кн. Кн. 1. От Средневековья до середины XIX века / В. И. Бovyкин, М. Л. Гавлин, Л. М. Епифанова [и др.]. М.: РОССПЭН, 2000. 480 с.
5. *Каменский А. Б.* Россия в XVIII столетии. Общество и память: исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017. 336 с.
6. *Ключевский В. О.* Русская история: полный курс лекций: в 3 т. М.: АСТ, 2002. Т. 3. 593 с.
7. *Костомаров Н. И.* Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск: Русич, 2011. 510 с.
8. *Милов Л. В., Зырянов П. Н., Боханов А. Н.* История России с начала XVIII до конца XIX века. М.: АСТ-ЛТД, 1997. 544 с.
9. *Носенков А. П.* К вопросу о систематизации российского законодательства в период правления Петра I // Петр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века: материалы международной науч.-теор. конф. к 350-летию со дня рождения Петра I. СПб.: СПб. ун-т МВД РФ, 2022. С. 112–117.
10. О непосылке родителям векселей детям их, обучающимся в иностранных землях, прямо от себя и о препровождении оных векселей через Адмиралтейской приказ. Именной указ Комменданту Князю Гагарину // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 4. С. 550–551.
11. О неприеме в Таможню переводных писем на получение пошлины с явленных товаров, о недержании переводной книги и о недачи дальних сроков в уплате пошлин. Боярский приговор // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 3. С. 335.
12. О покупке к заводам деревень. Именной указ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 6. С. 311–312.
13. О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства. Именной указ, данный Сенату // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 4. С. 643.
14. О правилах займа денег из Монетной Конторы. Именной указ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 9. С. 6–7.
15. О сборе в Московской большой Таможне пошлин. Наказ гостю Сергею Лабазному // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 3. С. 459–468.
16. Очерки русской культуры XVIII века: в 4 т. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. Т. 1. 384 с.
17. Регламент или Устав Главного Магистрата // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 6. С. 291–309.
18. Русско-белорусские связи: сб. документов (1570–1667 гг.) / отв. ред. Л. С. Абецдарский, М. Я. Волков. Минск: Высшая школа, 1963. 534 с.
19. Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Ф. 271. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.
20. *Соколов Д. В.* О развитии вексельного права России до принятия Устава вексельного 1729 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 342–345.
21. *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Университетская тип., 1872. 144 с.

22. *Титова М. С.* Развитие обязательственного права в первой четверти XVIII в. // Трансформация права в информационном обществе. 2020. № 1. С. 112–116.

23. Устав Вексельный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1930. Т. 8. С. 147–197.

References

1. *Barats S. M.* Course of bill law in connection with the doctrine of bills and bill transactions. St. Petersburg: Printing house of the partnership “Society Benefit”, 1893. 778 p. [in Russ.].

2. *Golikova N. B.* Privileged merchant corporations of Russia in the 16th – first quarter of the 18th centuries. Moscow: Monuments of historical thought, 1998. 521 p. [in Russ.].

3. *Dotsenko E. Yu.* Genesis of the system of credit relations in the Russian economy. *Economy and Innovation Management*. 2021. No. 2. P. 21–33 [in Russ.].

4. History of entrepreneurship in Russia: in 2 books. Book 1. From the Middle Ages to the mid-19th century / V. I. Bovykin, M. L. Gavlin, L. M. Epifanova [et al.]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 480 p. [in Russ.].

5. *Kamensky A. B.* Russia in the 18th century. Society and memory: Studies in social history and historical memory. St. Petersburg: Aletheia, 2017. 336 p. [in Russ.].

6. *Klyuchevsky V. O.* Russian history: Complete course of lectures: in 3 vols. Moscow: AST, 2002. Vol. 3. 593 p. [in Russ.].

7. *Kostomarov N. I.* Life and customs of the Russian people in the 16th and 17th centuries. Smolensk: Rusich, 2011. 510 p. [in Russ.].

8. *Milov L. V., Zyryanov P. N., Bokhanov A. N.* History of Russia from the beginning of the 18th to the end of the 19th century. Moscow: AST-LTD, 1997. 544 p. [in Russ.].

9. *Nosenkov A. P.* On the issue of systematization of Russian legislation during the reign of Peter I. *Peter the Great and his era: a view from the 21st century: Proceedings of the international scientific and theoretical conference, dedicated to the 350th anniversary of the birth of Peter I*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 112–117 [in Russ.].

10. On the parent's failure to send bills of exchange to their children studying in foreign lands directly from themselves and on the transmission of these bills through the Admiralty order. Personal decree to Commandant Prince Gagarin. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 4. P. 550–551 [in Russ.].

11. On the non-acceptance of letters of transfer to the Customs to obtain duties on goods shown, on the failure to maintain a book of transfers and on the failure to meet deadlines for payment of duties. Boyar sentence. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 3. P. 335 [in Russ.].

12. On the purchase of villages for factories. Personal decree. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 6. P. 311–312 [in Russ.].

13. On entrusting the Governing Senate with responsibility for justice, the organization of State revenues, trade and other sectors of the State economy. Personal decree given to the Senate. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 4. P. 643 [in Russ.].

14. On the rules for borrowing money from the Mint Office. Personal decree. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 9. P. 6–7 [in Russ.].

15. About the collection of duties at the Moscow Large Customs. Order to Guest Sergei Labazny. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 3. P. 459–468 [in Russ.].

16. *Rybakov B. A.* (ed.). Essays on Russian culture of the 18th century: in 4 vols. Moscow: Moscow University Publishing House, 1985. Vol. 1. 384 p. [in Russ.].

17. Regulations or Charter of the Chief Magistrate. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 6. P. 291–309 [in Russ.].

18. *Abetsedarsky L. S.* (ed.) Russian-Belarusian connections: Collection of documents (1570–1667). Minsk: Higher school, 1963. 534 p. [in Russ.].

19. St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. F. 271. Inv. 1. Case 1. Sh. 139.

20. *Sokolov D. V.* On the development of bill of exchange law in Russia before the adoption of the Bill of Exchange Charter of 1729. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 2. P. 342–345 [in Russ.].

21. *Soloviev S. M.* Public readings about Peter the Great. Moscow: University Printing House, 1872. 144 p. [in Russ.].

22. *Titova M. S.* Development of the law of obligations in the first quarter of the 18th century. *Transformation of law in the information society*. 2020. No. 1. P. 112–116 [in Russ.].

23. Bill of Exchange Charter. *The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg, 1830. Vol. 8. P. 147–197 [in Russ.].

Поступила в редакцию 24.05.2025
Received May 24, 2024